

МЕСТО ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДИ ДРУГИХ ВИДОВ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ

(На материале литовского языка)

А. ПИРОЧКИНАС

О присоединении советскими синтаксистами уже писалось весьма много. В последнее время появились даже три кандидатские диссертации, посвященные этому вопросу¹.

Кроме того, проблема присоединения решалась в разных журнальных статьях, диссертациях и книгах².

¹ М. В. Карпенко, Наблюдения над структурой присоединительных конструкций в современном русском литературном языке, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Черновцы, 1958 (далее — Автореферат); Т. П. Плещенко, Присоединение как один из видов синтаксической связи в современном русском литературном языке, Минск, 1960 (далее — Диссертация); А. П. Величук, О специфике присоединительной связи в современном русском языке (сочинение и присоединение). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тбилиси, 1961 (далее — Автореферат).

² С. Е. Крючков, О присоединительных связях в современном русском языке. — Вопросы синтаксиса современного русского языка, Учпедгиз, 1950 (далее — Вопросы синтаксиса...), стр. 397—410; С. П. Балашова, Бессоюзные сложносочиненные предложения в языке древнеанглийского периода. — Ученые записки Ленингр. гос. ун-та, серия филологических наук, вып. 50, 1958, стр. 3—11; М. Б. Борисова, О некоторых особенностях диалогической речи в драматургии М. Горького. — Уч. зап. Саратовского гос. ун-та, вып. Филолог, т. 48, 1958, стр. 35—56; Н. И. Букачевич и др., Очерки по сравнительной грамматике восточнославянских языков, Одесса, 1958; Ю. И. Леденев, Союзные сложносочиненные предложения в современном русском литературном языке, Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва, 1957; Ю. И. Леденев, Наблюдения над сложносочиненными предложениями с союзом «и». — Уч. зап. Ставропольского гос. пед. ин-та иностр. языков, т. 2, 1957, стр. 107—108; П. Т. Ломтев, Из истории синтаксиса русского языка, М., Учпедгиз, 1957; В. Ф. Мильк, Интонация присоединения в современном русском языке. — Уч. зап. 1-го Моск. пед. ин-та иностр. яз., т. 18, 1960; И. А. Попова, Сложносочиненное предложение в современном русском языке. — Вопросы синтаксиса..., стр. 355—396; Н. С. Поспелов, Сложное синтаксическое целое и особенности его структуры. — Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР, вып. 2, 1948; Н. С. Поспелов, О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений. — Вопросы синтаксиса..., стр. 338—354.

Присоединение получило права гражданства в фундаментальных академических грамматиках русского и латышского языка³.

В настоящее время намечаются два основных направления по вопросу о месте присоединительных отношений среди других видов синтаксической связи в сложном предложении.

Некоторые наши языковеды считают, что присоединительные отношения должны рассматриваться внутри сочинения как один из видов логико-семантических отношений. Этот взгляд в особенно яркой форме выражен в грамматике латышского языка⁴.

Е. С. Крючков утверждает также, что присоединительные связи являются «очень своеобразными разновидностями сочинения и подчинения...»,⁵ но, дав много тонких и верных наблюдений, точнее места присоединения он не определил.

Синтаксисты второго направления рассматривают присоединение как третий (даже четвертый) вид синтаксических отношений в сложном предложении. Яркими представителями этого взгляда являются Ф. Ф. Кузьмин⁶ и Т. П. Плещенко⁷. В автореферате своей диссертации А. П. Величук тоже делает вывод, что «присоединительная связь в современном русском языке является не разновидностью связи сочинения, а особым видом синтаксической связи»⁸.

Однако тот факт, что присоединение объясняется двояко (и каждое объяснение не лишено соответствующей доли правды), порождает мысль о том, что ни одно из них не является всецело приемлемым и безоговорочно верным. Поэтому мы считаем возможным заново поставить этот вопрос и дать свое решение.

В определении сущности присоединения мы исходим не из интонации, союзов или порядка слов — все эти особенности являются внешними, т. е. в них только проявляется сущность присоединения. Присоединение, по нашему мнению, — это своеобразное отношение двух компонентов: предложений, предложений-частей сложного предложения или частей предложения.

Но какое же это отношение? На чем оно основано? Нам кажется, что вернее всего сущность присоединения определена в автореферате диссертации А. П. Величука. Там он утверждает, что присоединение «основано не на установлении логико-смысловых отношений между объединяемыми компонентами, а на выражении эмоционально-экспрессивных отношений между субъектно-расслоенными синтагмами»⁹. Величук

³ Грамматика русского языка, т. II, Синтаксис, ч. II, М., изд. АН СССР, 1954 (Далее — ГРЯ); *Mūsdienų latviešu literārās valodas gramatika*, II, Sintakse, Rīgā. LPSR ZA izdevniecība, 1962 (далее — Грамматика латышского языка).

⁴ См. стр. 605, 620—628, 632, 645—647.

⁵ Е. С. Крючков, О присоединительных связях..., Вопросы синтаксиса..., стр. 397.

⁶ Ф. Ф. Кузьмин, Практические занятия по синтаксису и пунктуации, Учпедгиз, 1961, стр. 31—36.

⁷ Т. П. Плещенко, Диссертация, стр. 19а и др.

⁸ А. П. Величук, Автореферат, стр. 15—16.

⁹ Там же, стр. 15—16. Подчеркнуто нами. — А. П.

правильно указал, что «...эта субъективная струя в присоединительной конструкции является не чем-то вторичным и факультативным, а той основой, на которой зиждется присоединение как особый вид синтаксической связи»¹⁰.

Это положение можно подкреплять высказываниями других синтаксистов. Например, в труде акад. В. В. Виноградова «Стиль Пушкина» указывается, что «присоединительные конструкции основаны на новой логике синтаксических связей»¹¹, что в присоединительных конструкциях «логические значения союзов деформируются экспрессивными «сдвигами»¹², что эти конструкции выражают «тонкий, экспрессивно заостренный изгиб мысли»¹³. Поэтому вывод Величука нельзя считать неожиданностью, он является продолжением и развитием мыслей других языковедов, и в первую очередь указаний акад. Виноградова. Он, говоря об особенностях стиля в пушкинской поэме «Руслан и Людмила», отметил, что присоединительные значения союзов *но* и *и* отражают «неожиданность, эмоциональную контрастность и каламбурное несоответствие сцеплений», а также, хотя и реже, «вариации разных субъективно-экспрессивных планов повествования»¹⁴.

К этому следует указать еще одно любопытное высказывание, сделанное С. Е. Крючковым. По его наблюдениям, в присоединительных предложениях с подчинительными союзами и относительными словами «основное значение союза и присоединяемой им части не меняется, создается только особый экспрессивный оттенок»¹⁵.

Вышеприведенные высказывания о присоединении разрешают делать вывод, что эмоционально-экспрессивные отношения между компонентами возникают как следствие объединения субъективно неоднородных, а тем самым и неожиданных явлений. Если бы не было субъективного расслоения, то не было бы и эмоционально-экспрессивных отношений, так как по содержанию объективно однородные высказывания не создают того эмоционального «напряжения», которое оформляется для слушателя как неожиданность, как непривычная связь. Как между соединяющимися сосудами с одинаковым уровнем воды нет течения, так нет эмоционального «напряжения» между объективно однородными компонентами, и чем больше они субъективно расслоены, тем они больше неожиданны, в тем большей степени они выражают эмоционально-экспрессивные отношения.

Но субъективная расслоенность, неожиданность связи компонентов отнюдь не препятствует им вступить в определенные логико-се-

¹⁰ А. П. Величук, Автореферат, стр. 13 Кроме того, ср. И. А. Василенко, Бессюжные сложные предложения в современном русском литературном языке, Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та, т. 73, вып. 6, 1959, стр. 254.

¹¹ В. В. Виноградов, Стиль Пушкина, 1941, стр. 342.

¹² Там же, стр. 308.

¹³ Там же, стр. 311.

¹⁴ Там же.

¹⁵ С. Е. Крючков, указ. статья, стр. 407.

мантические отношения. Ведь последние отражают логические связи мыслей. Этот тезис подкрепляется нашими наблюдениями над сложно-подчиненными предложениями, в которых присоединительные отношения выражаются вместе с логико-семантическими отношениями (с отношениями времени, цели, условия и определительными)¹⁶. Например:

1. Iki širdies gelmių sukūrėdavo jaunas mergaitės-padaavėjas tie dievobaimingų valgyklos lankytojų pasilinksminimai, ypač kai jie visi, įkaušę ir prisivalgę, imdavo kliokti dainas (...) A. V. V 228. (До глубины души возмущали девушек-официанток эти увеселения богобоязненных посетителей столовой, особенно когда они все, подвыпив и наевшись, начинали горланить песни (...)).

2. — Tu pamėgink įbristi giliau — kad paplauktum A. V. V 35. (— Ты попробуй забрести поглубже, чтоб ты мог плыть¹⁷).

3. Bažnyčioj girdėtum adatą krintant,— jei dar būtų kur vietos nukristi I. S. Obf. 335. (В костеле услышали бы, как иголка падает,— если еще было бы ей места упасть).

4. (...) po to ir kiti jau lyg nenorom valgė dešras bei sūrius, kurių ir taip nelabai daug buvo A. V. V 98. (...после этого и другие уже, словно нехотя, ели колбасу и сыр, которых и так не очень-то много было).

Считать вышеприведенные примеры многозначными построениями, нам кажется, нет основания. Многозначные конструкции можно прочесть по-разному: например, или как временное предложение (в сложносочиненном предложении с союзом *и*), или как причинно-следственное (ту же конструкцию). Но здесь имеем на лицо явление, которое сочетает, с одной стороны, временные, целевые, условные и определительные отношения, и, с другой, присоединительное отношение. Правда, и здесь можно прочесть иначе — без выражения присоединения, как и другие сложноподчиненные предложения. Но прочесть их только как присоединительные предложения, без временных, целевых, условных и определенных отношений, нельзя.

Точно также обстоит дело и в сложносочиненных предложениях. Они тоже могут совмещать и логико-семантические, и эмоционально-экспрессивные отношения. Например, сложносочиненные предложения с союзом *и* иногда выражают последовательность действий, как один из видов логико-семантических отношений, и присоединение. Но это заметить затрудняет то обстоятельство, что присоединение выражается ярче и затемняет логико-семантические отношения, особенно «нейтральную» связь последовательности действий. Но бывает и наоборот: так как на письме не обозначается интонация — часто единственный формальный признак присоединения,— вся конструкция считается неприсоединительной.

¹⁶ В русском языке на такие предложения указывает Карпенко, см. Автореферат, стр. 8.

¹⁷ Без контекста это предложение может быть неясным. Его надо понять в переносном смысле: кулак так «советует» выйти из трудностей завязшему в долгах бедняку.

В выбранных нами предложениях авторы сочли нужным отметить присоединение знаками (тире и многоточием), и это облегчает нам опознавать его:

1. *Aš užmerkiu akis — ir vidurdienio saulė išbučiavo man skruostus ir lūpas* V. M.-P. I 290. (Я закрыл глаза — и яркое солнце расцеловало мне щеки и губы).

2. *Visą kasą perėmiau netikrines... ir jis netikrines priėmė* P. C. II 159. (Я всю кассу принял без проверки... и он без проверки принял).

Вместе с присоединением выражается в приведенных предложениях и последовательность действий как один из видов логико-семантических отношений.

Некоторые авторы даже, хотя и непоследовательно, отмечают факты, где присоединительные конструкции одновременно выражают и отдельные виды логико-семантических и присоединительные отношения. Например, В. Ф. Мильк в статье «Интонация присоединения в современном русском языке» выражает мнение, что «присоединительной частью сложного синтаксического целого могут быть высказывания, выражающие отношения причины (мотива) и действия, условия и следствия; высказывания, описывающие одновременные или последовательные действия, события или явления; высказывания, выражающие вывод или обобщение; высказывания, своим содержанием подтверждающие или поясняющие предыдущие»¹⁸.

В этом отношении очень ценны замечания Ю. И. Леденева, сделанные им в его диссертации: «Присоединительные отношения в современном русском языке охватывают чрезвычайно широкий круг значений. Они по их сущности не могут быть поставлены в один ряд с отношениями временными, причинно-следственными и т. д., так как в рамках сочинительного присоединения возможно выражение и временных и причинно-следственных зависимостей и отношений другого ряда...

Рассматривая присоединительные конструкции вслед за причинно-следственными отношениями, мы исходим только из их употребительности»¹⁹.

А еще ниже Леденев приходит к выводу, что в присоединительных конструкциях «на отношения временные, причинные, следственные, условно-следственные и другие наслаивается специфический оттенок, определяющийся конкретным значением второго элемента, выступающего в роли добавочного сообщения»²⁰.

М. В. Карпенко тоже подтверждает, что «противительные присоединения, несмотря на новую функцию союза и на новое звучание в языке, не утрачивают, однако, структурных особенностей обычных про-

¹⁸ В. Ф. Мильк, Интонация предложения в современном русском языке, Уч. зап. 1-го Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз., т. 18, 1960, стр. 241.

¹⁹ Ю. И. Леденев, Диссертация, стр. 56.

²⁰ Там же, стр. 62.

²¹ М. В. Карпенко, Диссертация, стр. 83.

тивительных предложений»²¹, а союз *но* «настолько сильно сохраняет противительное значение, что многие исследователи долгое время считали его лишенным присоединительного оттенка»²².

Живые факты языка, как видим, не позволяют отождествлять присоединение с логико-семантическими отношениями, поэтому некоторые языковеды выдвигают положение, что можно «говорить о присоединении как о самостоятельном грамматическом явлении, равноправном с сочинением и подчинением...»²³.

Однако вовсе не следует, что если присоединение не является видом логико-семантических отношений, то оно является третьим видом синтаксических отношений, как сочинение и подчинение. Мы полагаем, что сочинение (или подчинение) не исключает присоединения, что оба отношения (сочинение и присоединение или подчинение и присоединение) могут выражаться совместно. Но между ними нет тождества: сочинение (подчинение) является общим, а присоединение — частным.

Наше мнение доказывается следующими рассуждениями.

Во-первых. Общепринято, что между словами в словосочетании как в литовском, так и в русском²⁴ языках подчинительные отношения выражаются согласованием, управлением и примыканием. Но в каждом из этих видов синтаксических отношений можно наблюдать, хоть и изредка, и присоединительные связи, как например²⁵:

1. *Nenorės daktaras nė važiuoti, o dar prieš naktį* Ž. I 138. (Не хочет доктор и ехать, а еще на ночь глядя).

2. *Turi pastatyti ant savo: išmokyti vaikus skaityti, ir lenkiškai, ne žemaitiškai* Ž. I 295. (Она должна сделать по-своему: научить детей читать, и по-польски, не по-литовски).

3. *Dantims miltelius pirkto daugiausia merginos, bet ne dantims valyti, o brezentiniams batukams baltinti* A. V. V 167—168. (Зубной порошок главным образом покупали девушки, но не для того, чтобы чистить зубы, а для чистки парусиновых туфель).

4. *Kitados Kistyno tarpukalnė yra mačiusi laimingų laikų — ir net labai laimingų* A. V. I 12. (Некогда Кистинское ущелье знало и счастливые времена — и даже весьма счастливые).

5. *Sužeistieji — ir tie buvo ramūs ir kantriai laukė, kol juos apdalinio arbata* A. V. I 290. (Раненые — и те были спокойны и терпеливо ждали, пока им раздадут чай).

То же самое наблюдается и между однородными членами предложения. Связь однородных членов по принципу синтаксических отношений совпадает с сочинением в сложном предложении. Но и меж-

²² М. В. Карпенко; Диссертация, стр. 84—85.

²³ Там же, стр. 28.

²⁴ А. Н. Гвоздев, Современный русский литературный язык, ч. II, изд. 2-е, М., 1961, стр. 30.

²⁵ См. М. В. Карпенко, Автореферат, стр. 6—7.

ду однородными членами предложения выражается присоединение, например:

1. *Nekantriai klauso mokiniai kunigo žodžių, laukia jų pabaigos — ir bėga iš bažnyčios už tilto į miesto sodą (...)* J. B. I 58. (Неохотно слушают ученики слова ксендза, ожидают конца проповеди — и бегут из костела за мост в городской сад (...))

2. (...) *pamanė Mykolas ir nutarė geriau eiti kur nors į kaimą maitintis, bet ne pas jį, ir juo labiau nesiskolinti iš jo įrankių* A. V. V 118—119. (...подумал Миколас и решил лучше пойти покормиться где-нибудь в деревне, но не к нему [к кабатчику], и тем более не одалживать у него инструмента).

3. *Aš čia nieko negaliu padėti, nei tau nepatariu.* (Я здесь ничем не могу помочь, ни тебе не советую).

Все эти предложения можно прочесть без интонации присоединения, тогда они станут «обычными» предложениями. Это очень ясно показывает, что в простом предложении присоединение нельзя поставить в один ряд с синтаксическими отношениями.

Во-вторых. Присоединение наблюдается как в литовском, так и в русском языках²⁶ между отдельными предложениями и даже между абзацами, а сочинение и подчинение проявляется только внутри предложения. Присоединение в этом аспекте близко к логико-семантическим отношениям, которые тоже переступают границы предложений²⁷. Это свойство присоединения тоже не позволяет отнести его к ряду синтаксических отношений — к ряду сочинения и подчинения.

В-третьих. Некоторые языковеды, стараясь объявить присоединение третьим видом синтаксических отношений и поставить рядом с сочинением и подчинением, объясняют общность сочинительных союзов и союзных слов тем, что «существуют союзы — синтаксические омонимы, то есть союзы, выполняющие функции и сочинения и присоединения»²⁸.

Но мы же видели выше, что присоединение выражается и подчинительными предложениями. Следовательно, и их подчинительные союзы и союзные слова должны рассматриваться как омонимы. Однако, если сопоставить присоединительные конструкции, компоненты которых связываются союзами — «омонимами» сочинительных союзов, с соответствующими конструкциями, союзы которых являются «омонимами» подчинительных, то грамматически они будут все-таки различаться, а их общая черта — выражение эмоционально-экспрессивных отношений — не влияет на грамматические отношения в такой мере, чтобы поставить их рядом с сочинением и подчинением.

²⁶ См. М. В. Карпенко, Автореферат, стр. 9—16.

²⁷ См. И. А. Фигуровский, От синтаксиса отдельного предложения — к синтаксису целого текста.—«Русский язык в школе», 1948, № 3, стр. 22; М. Н. Иванов, Строчные абзаца и его пунктуация.—«Русский язык в школе», 1950, № 3, стр. 16—20.

²⁸ В. Ф. Мильк, цит. статья, стр. 245.

Кроме того, имеются сложные бессоюзные предложения, которые также выражают присоединение. В таком случае те, которые сомневаются или вообще отрицают возможность различать бессоюзное сочинение и подчинение, должны отказаться от выделения в них присоединительных отношений. Но это значило бы оспаривать явный факт.

Многоплановость языка уже стала общепризнанным фактом, поэтому следовало бы найти соответствующее место и для эмоционально-экспрессивных моментов и не свести всё, что имеется в языке, включая и синтаксис, только к логической и формальной стороне. Но это указывают не только некоторые языковеды, но и некоторые представители логики и психологии.

Так, И. М. Соловьева в статье «Языкознание и психология» признала, что «как мышление, так и эмоциональная сфера человеческой психики, получающие выражение в речи, оказывают прямое воздействие на развитие языка»²⁹. В связи с этим большую важность получает замечание А. Н. Раевского, что «включаясь в человеческую речь, выразительная функция перестраивается, входя в её семантическое содержание»³⁰.

Опираясь на это высказывание, мы можем предполагать, что присоединение, как выражение эмоционально-экспрессивных отношений, определенным образом, переплетаясь и срастаясь, влияет и на логико-семантические отношения. Но это не значит, что оба отношения можно отождествлять. Ведь логика изучает «далеко не всё то, что сообщается, а лишь мысли и притом не в их содержании, а в их форме, в их структуре»³¹.

В логике рассматриваются и логические связи мыслей, как связь принадлежности признака предмету, как связь конъюнкции, дизъюнкции, как условная связь и т. д.³² Но вряд ли логики будут рассматривать связь, которая основана «на принципе субъективного, несколько неожиданного и, во всяком случае, предполагающего какой-то перерыв или пропуск или рассчитанного на эмоциональный эффект присоединения»³³.

Итак, мы полагаем, что вышеизложенные высказывания разных синтаксистов и наши соображения позволяют сделать некоторые выводы:

Во-первых, присоединительные конструкции выражают эмоционально-экспрессивные отношения.

²⁹ И. М. Соловьева, Языкознание и психология, «Иностранные языки в школе», 1955, № 2, стр. 32.

³⁰ А. Н. Раевский, Психология речи в советской психологической науке за 40 лет, Киев, 1958, стр. 11.

³¹ А. С. Ахманов, Логические формы и их выражение в языке, «Мышление и язык», М., 1957, стр. 166—167.

³² См. там же, стр. 177—178.

³³ В. В. Виноградов, Стиль Пушкина, стр. 286. —

Во-вторых, присоединение не является видом логико-семантических отношений, но сочетается с ними.

В-третьих, присоединение должно рассматриваться внутри сочинения и подчинения, а также внутри бессоюзных сложных предложений.

Vilniaus Valstybinis V. Kapsuko v.
universitetas,
Lietuvių kalbos katedra

Įleikta
1963 m. rugsėjo mėn.

СОКРАЩЕНИЯ

- A. V. — A. Vieniūolis, Raštai, lt. I, V, Vilnius, 1953, 1954.
I. S. Obt. — I. Simonaitytė, O buvo taip..., Vilnius, 1960.
J. B. — J. Biliūnas, Raštai, t. I, Vilnius, 1954.
P. C. — P. Cvirka, Raštai, t. II, Vilnius, 1949.
V. M.-P. — V. Mykolaitis-Putinas, Raštai, t. I, Vilnius, 1959.
Z. — Zemaitė, Raštai, t. I, Vilnius, 1956.
-

PRIDŪRIMO VIETA KITŲ SINTAKSINIŲ RYŠIŲ TARPE

A. PIROČKINAS

Reziumė

Tarybinėje kalbotyroje pridūrimas aiškinamas dvejopai: vieni kalbininkai jį laiko loginių-semantinių santykių rūšimi, o kiti pridūrimą iškelia kaip trečiąjį sintaksinių santykių tipą — šalia sujungimo ir prijungimo.

Pateiktame straipsnyje autorius, pasiremdamas lietuvių kalbos faktais ir kitų kalbininkų iškeltomis pridūrimo ypatybėmis, mėgina pagrįsti teiginį, kad pridūrimas — tai emocinis-ekspresyvinis santykis, kuris negali būti laikomas nei loginiu-semantiniu, nei sintaksiniu santykiu. Su šiais pastaraisiais santykiais pridūrimas yra susijęs, bet nėra sutapęs.

Keliamasis požiūris grindžiamas visų pirma tuo, kad pridūrimo santykis pastebimas ir tarp vienuose sakinio dalių, ir tarp sudėtinio sakinio (sujungiamojo ir prijungiamojo) komponentų, ir tarp savarankiškų sakinių, kas nebūdinga sintaksiniam santykiui (sujungimui ir prijungimui). Tai nėra ir loginis-semantinis santykis todėl, kad yra konstrukcijų, kurios, pasakydamos laiko, priežasties, sąlygos ir kt. santykius, kartu išreiškia ir pridūrimą, kuris tėra tik fakultatyvinis reiškinys ir pažymi tam tikrą netikėtumą, staigumą.